

От монарха к Президенту: институт главы государства в Беларуси

В современной белорусской политической системе колоссальное значение имеет институт президентства

УДК 94 (476)

Игорь МАРЗАЛЮК,
член-корреспондент
НАН Беларуси, доктор
исторических наук,
профессор

Игорь МАРЗАЛЮК. От монарха к Президенту: институт главы государства в Беларуси. Статья посвящена институту становления главы государства в исторической ретроспективе. Подробно охарактеризованы функции и механизмы функционирования княжеской власти, механизмы ее сакрализации и легитимации. Делается вывод о том, что власть в форме президентства соответствует исторической традиции, ментальным установкам, мотивационному поведению белорусского народа. Президентская форма правления, как показано в статье, воплощает белорусские архетипические идеалы о сильной и справедливой власти.

Ключевые слова: глава государства, образ идеального правителя, монарх, князь, президент, интронизация, Конституция, институт президентской власти.

Igor MARZALYUK. From the monarch to the president: Institute of the head of state in Belarus. The article examines the process of formation of the institute of the head of state in historical hindsight. It gives detailed description of the functions and mechanisms of a knyaz's (prince's) power and the mechanisms of its sacralization and legitimization. The author makes a conclusion that the power in the form of presidency corresponds to the historical tradition, mental attitudes and motivational behavior of the Belarusian people. The presidential form of government, as shown in the article, embodies the archetypal ideals of the Belarusians of strong and just power.

Keywords: head of state, the image of the ideal ruler, monarch, prince, president, enthronement, constitution, the presidency.

Славянская государственность уже на ранних этапах развития не мыслилась без института главы государства –

верховного правителя, князя (короля). В раннефеодальный период у славян функции правителя совпадают с функциями государства, институты государственности и верховной власти – суть одно и то же. Правитель в сознании подданных и соседей олицетворял собой само государство, так как именно он распространял свою власть на определенные земли, составляющие государственную территорию. Нельзя не согласиться с выводом белорусского историка Степана Темушева о том, что на ранних этапах развития института княжеской власти фигура князя представлялась исключительно служебной: он выполнял общественно значимую «работу», которую ему поручили сограждане. Показательны в этом отношении примеры призвания князей со стороны и заключение «ряда» (договора) с населением. Правящая особа представляла собой естественный символ страны, именно с ней ассоциировалось отношение к государству, форми-

ОБ АВТОРЕ

МАРЗАЛЮК Игорь Александрович.

Родился в 1968 году в г. п. Краснополье Могилевской области. В 1992 году окончил Могилевский педагогический университет. Служил в Вооруженных Силах Республики Беларусь.

В 1992–1996 годах работал археологом архитектурно-реставрационной фирмы «АРТ-М» (г. Могилев). С 1996 года – преподаватель, старший преподаватель, доцент кафедры философии, затем доцент кафедры археологии, доцент кафедры всеобщей истории, с 2003 года – профессор, заведующий кафедрой археологии и специальных исторических дисциплин Могилевского государственного университета имени А. Кулешова.

Член Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь 5-го созыва (2013–2016).

С сентября 2016 года – депутат Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь 6-го созыва, председатель Постоянной комиссии по образованию, культуре и науке.

Доктор исторических наук (2003), профессор (2011), член-корреспондент НАН Беларуси (2017). Автор многочисленных научных монографий и статей.

Сфера научных интересов: материальная и духовная культура Могилева и других городов Беларуси эпохи феодализма; анализ этноконфессиональных и социокультурных стереотипов жителей средневековой Беларуси; проблемы этно- и нациогенеза народов Восточной Европы; проблемы, связанные с возникновением и развитием белорусского национального движения и белорусской национальной идеи.

ровалось чувство патриотизма [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7].

Институт княжеской власти был сопряжен с рядом функций, которые до сих пор продолжают оставаться прерогативами главы государства. В первую очередь, это функция верховного главнокомандующего. Одной из первостепенных обязанностей князя было личное предводительство вооруженными силами, забота об обороноспособности страны. Все вопросы, связанные с формированием вооруженных сил (дружины), созданием системы укреплений, охраной, находились под его контролем.

Второе – налоговая система. Финансы входили в компетенцию князя, который сам устанавливал дани-налоги и взыскивал их посредством органов принуждения. Также верховный правитель представлял свое государство за границей. Эту его функцию можно определить как обеспечение экономических взаимосвязей с внешним миром. Именно он регулировал внешнюю торговлю, заключая международные договоры с учетом интересов государства, занимался и организацией охраны торговых путей.

Исполняя судебную функцию, князь выступал в роли верховного арбитра, сглаживающего, устраняющего противоречия между различными группировками общества. Суд являлся своеобразным способом обороны общества изнутри, его защитой от внутренних раздоров, могущих привести к распаду.

С момента зарождения государства, еще с племенной эпохи, князь у славян унаследовал и вещественное право на землю. Отсюда еще одна его функция – контроль за земельным фондом. На князя переносится право племени на землю: он становится непосредственным собственником всей земли в государстве.

Но важнее всего то, что в сильной княжеской власти были заинтересованы все слои раннефеодального общества: глубоко чувствовалось согласие института верховной власти с его потребностями и ожиданиями. Среди славянского населения раннего средневековья была широко распространена вера в зависи-

мость своего благополучия от личности правителя. На этом основана идея об идентификации государства с вертикально распростертым телом, где князь является головой, земля – туловищем, а подданные – ногами.

Нормальное функционирование общества было невозможным без ключевой фигуры князя. Фигура правителя представляла собой естественное интегрирующее начало, способствующее взаимовыгодному взаимодействию всех слоев населения. Авторитет князя происходил из понимания легитимности власти, которая в христианской традиции опиралась на слова апостола Павла, что «всякая власть от Бога». Личность князя и высшее право, носителем которого он считался уже в силу своего рождения, воспринимались как наследование Божьему промыслу, как Абсолют.

Важнейшим элементом легитимации княжеской власти в христианской восточнославянской традиции был ритуал интронизации: «поднесение» князя на «дядни и отни стол». Он проводился, как правило, в воскресенье либо праздничный день. Процедура «настоления» начиналась торжественным входом князя в город при стечении народа и духовенства. Его встречал митрополит (если это было в Киеве) либо епископ (в Полоцке, Турове) и сопровождал до кафедрального собора.

Интронизация полоцких князей проходила в соборе Святой Софии. Во время торжественной литургии князь совершал поклонение Христу и Божьей Матери. Потом он «садился» на «дядний и отний стол», который находился в кафедральном соборе. При этом епископ пел «Кирие элейсон» («Господи, помилуй»). После обряда «посожения» происходила встреча князя с народом и заключение «ряда», что имело не только юридическое, но и сакральное значение, символизируя единение властелина с подданными. «Ряд» – это подтверждение всех прав и обязанностей монарха и его сограждан, правовые гарантии их собственности и свобод. Финальной частью обряда были шествие князя на свой двор

▲ Киевляне освобождают Всеслава и его сыновей из поруба, 1068 год. Миниатюра из Радзивилловской летописи, XV век

(резиденцию) и торжественный пир там с представителями города и духовенства [8, с. 217–219].

Данный ритуал был исполнен и при «посожении» на киевский стол легендарного полоцкого князя Всеслава Чародея. В 1068 году, после поражения Ярославичей от половцев на реке Альте, киевскому князю Изяславу пришлось бежать от разъяренных горожан. Вероломно заточенному в киевский «поруб» Всеславу вновь улыбнулась удача. Пленившие его у Орши Ярославичи – Изяслав и Всеволод – нарушили собственную клятву на кресте о неприкосновенности Всеслава после кровавой битвы на Немиге и вынуждены были спасаться бегством. Киевляне освободили полоцкого князя из заточения, собрали вече и осуществили обряд интронизации: «Люди же закричали и пошли к темнице Всеслава. Изяслав же, видя это, побегал со Всеволодом со двора, люди же освободили Всеслава из поруба – в 15-й день сентября – и прославили его среди княжеского двора. Двор же княжий разграбили – бесчисленное множество золота и серебра, в монетах и слитках. Изяслав же бежал в Польшу» [9, с. 315].

После вхождения белорусских земель в состав Великого Княжества Литовско-

го обряд интронизации не претерпел принципиальных изменений. Польский историк Марцели Косман, который специально занимался вопросом «поднесения» великих князей литовских на «стол», указал на сходство интронизации великих князей литовских с восточнославянскими обычаями. Из восточнославянской, древнерусской, традиции представителями литовской господствующей династии была заимствована и титулатура «великий князь» [10].

Практически каждым славянским народом раннего средневековья создан образ идеального правителя (древнерусские князья Владимир, Борис и Глеб, княгиня Ольга, чешский князь Вацлав, сербский великий жупан Стефан Неманя), который своим благочестием подавал пример другим и после смерти. В житиях «святых патронов» идеальный правитель выступает и как храбрый воин, защищающий землю от врагов, и как справедливый судья, и как милосердный человек, ограждающий бедных и убогих от несправедливости.

Среди полоцких властелинов такой личностью в глазах современников и потомков был, безусловно, князь Всеслав Чародей. Им восхищались, ставили в пример, акцентировали внимание

на его мистических способностях. Для автора «Слова о полку Игореве» Все-слав – эталон князя. Один из первых исследователей истории Полоцкой земли Василий Данилевич в 1896 году писал: «Все-слав являлся одной из наиболее сильных личностей своего времени, и немудрено, что в глазах современников он являлся каким-то сверхъестественным существом, чародеем и оборотнем. ...Из блестящей характеристики, сделанной автором «Слова о полку Игореве», видно, что Все-слав был не только умен, энергичен и предприимчив, но и справедлив; вообще, он представлялся автору в таком выгодном свете, что мог, по его мнению, служить достойным подражания образцом для современников автора» [11, с. 63–64].

Наиболее почитаемыми сакральными фигурами на белорусских землях ВКЛ продолжали оставаться древнерусский князь Владимир Святославич и его сын Ярослав Мудрый. Культ Владимира в связи с его канонизацией усилился в XIII веке. Владимир Святославич воспринимался как князь не только крестивший Русь, но и установивший здесь христианское право, собрание законов и правил о церковном суде, правах и традициях Православной церкви. Показательно,

что именно с Полоцкой православной кафедрой связывают создание в конце XIV – начале XV века так называемого сборника Архангельского типа, в котором содержатся редакция устава князя Владимира «О десятинах, судах и людях церковных», а также «Устав князя Ярослава о церковных судах» и комплекс разнообразных юридических статей по церковному праву. Данные источники, с одной стороны, отражают реалии взаимоотношений между светской властью ВКЛ и православной церковной иерархией, а с другой – красноречиво подчеркивают историческую самоидентичность и историческую память «белорусских» русинов о князьях как демиургах, определивших их культурную, церковную и правовую традицию. В Туровских уставах XIV века устав князя Владимира в особой, местной редакции озаглавлен весьма недвусмысленно и красноречиво «Заповедь святого и равнаго апостолом великого князя Володимера, именем Василя, крестившаго Рускую землю, в лето 6504» [12, с. 219; 13, с. 40, 54].

В эпоху ВКЛ, еще при жизни князя Витовта, складываются его культ и почитание как идеального главы государства, что отчетливо можно проследить в «Похвале Витовту». Как известно, этот

▲ Все-слав на великокняжеском престоле в Киеве. Миниатюра из Радзивилловской летописи, XV век

панегирик был создан по инициативе епископа смоленского и митрополита киевского Герасима в 1428 году, а в 1430-е годы появилось еще несколько литературных произведений, в которых Витовта восхваляют, показывая идеальным монархом – «Летописец великих князей литовских», Летопись 1436 года и вторая редакция «Похвалы Витовта».

Показательно, что в белорусском фольклоре образ Витовта сливается в одно органическое целое с образом Владимира Святого, крестителя Руси. Это нашло красноречивое отражение в белорусской песне, дошедшей до нас в записях XIX века. В свое время Е. Карский доказал, что ее источником была апокрифичная «Иерусалимская беседа». В белорусском варианте текста песни возникают объединенные в одну личность два самых великих исторических персонажа эпохи Киевской Руси и Великого Княжества Литовского – Владимир Святославич и Витовт Кейстутович: «Выіскаўся бо тамка хітрэй-мудрэй цар <...> Валадзімер-цар, Вітаўцэвіч» [14, с. 567].

Особенно интересным является предание «Откуда пошли бунты в Польше», бытовавшее на Могилевщине и Смоленщине и опубликованное в Смоленском этнографическом сборнике в 1891 году. Краткий сюжет таков: умирает в Польше король-богатырь; все польское «начальство» не знает, что делать; решают снарядить богатырского коня прежнего короля «в седле» и, возложив на него «меч и острые копия», пустить в «свет»: кого конь признает за седока, того и выбрать королем; конь ходит два месяца, наконец приходит в деревню, заходит на гумно, где сидит старик и «вьет обрывки за овином»; конь, увидев старика, пал перед ним на колени; польские вельможи, видя такую покорность коня, признают старика за «круля-цара», а так как он вил веревки, то и называют его Витовтом. После этого Витовт правил много лет, мудро и справедливо, «соблюдал их хорошо». Почувствовав скорую смерть, Витовт вызывает своих приближенных и приказывает им похоронить себя с музыкой. Затем он говорит: «Если кто

вас обидит, Польшу, возьмите музыку и заиграйте над моей могилой; я встану и помогу вам». После его смерти выбирают «королька на время» – пана «избрали корольком». Однако не могли поверить, чтобы Витовт из мертвых встал. Решили проверить, пришли на могилу.

«Встает король с того света:

– О чем, дети меня будите? Кто вас обижает?

А они ему отвечают:

– Король Витовт, нас никто не обижает, а мы думали, действительно ли правда это, что ты сказал, что встанешь.

– Ну, дети мои, не гневайтесь. Вы меня с того света взбунтовали и будете вы прокляты от меня и век вечный бунтуйтесь!

С тех пор и пошли бунты в Польше» [15, с. 233–234].

Как видим, в этом бытовавшем в свое время предании Витовт выступает монархом, родным по социальному происхождению носителям белорусской фольклорной традиции. Он, якобы, как и они, крестьянин. Он избран Божьим промыслом, его образ содержит черты Христа. Витовт способен воскреснуть, как Христос, чтобы защитить своих подданных от людской злобы и несправедливости. И лишь глупость панства приносит вечное проклятие «Польше».

Как не увидеть здесь параллель с проклятием богоизбранного народа за то, что иудеи не захотели принять Мессию... Власть, после Витовта, тоже рисуется как власть чужая, мятежная, профанная. И поставили то «королька» «временного», и вообще он совершенно чужой для них.

Именно такой, комплиментарный и избавленный от негатива, образ Витовта – мудрого правителя, выступающего в качестве идеального государя, карающего «злых» и милосердного по отношению к «добрым», правителя-реформатора, правителя, стоящего на страже закона и интересов всех подданных, закрепляется и в нарождающейся белорусской историографии XIX века. Показательно, что русофил М. Коялович, классик западнорусской школы белорус-

ской историографии, создал целиком положительный образ Витовта Кейстутовича. При этом историк не обращал внимания на такую «мелочь», что князь был католиком. Во всех бедах и ограничениях православных Великого Княжества Литовского виноват, естественно, злой герой той эпохи, предатель и ренегат Ягайло, забывший о своем народе и государстве ради блеска польской короны. Именно Ягайло и польская знать, согласно интерпретации М. Кояловича, подстроили Городельскую унию 1413 года, Витовт же был вынужден ее принять, он сам жертва такой политики. Более того, историк утверждал, что попытки Витовта сделать реальностью церковную унию были продиктованы лишь заботой князя о восстановлении гражданских прав восточнославянского населения ВКЛ. Витовт характеризовался М. Кояловичем как «великий литовский человек, сделавший, конечно, много крупных ошибок, но неоспоримо во всю жизнь не покидавший мысли о независимости, о величии Литовского княжества» [16, с. 136–137].

В первой белорусскоязычной истории Беларуси, написанной Вацлавом Ластовским и увидевшей свет в Вильно в 1910 году, все те же целиком комплиментарные характеристики Витовта. Под пером автора рождается, кроме того, образ «народного» правителя, тождественный фольклорным представлениям белорусского народа. Он сурово карает развращенную роскошью и богатством знать, но милостив и справедлив по отношению к простым людям: «При Витовте Беларусь вздохнула легче. Плохо было при нем князьям и боярам, но народу лучше жилось» [17, с. 30].

Этот образ мудрого властелина, великого воителя, «своего» князя существует в белорусском обществе и до сего дня. Именно таким предстает Витовт на подмостках Купаловского театра в пьесе А. Дударева «Князь Вітаўт». Именно такой образ славного князя, рыцаря без страха и упрёка тиражируется и транслируется в популярных книгах, краеведческой публицистике, телефильмах

▲ Фрагмент картины Яна Матейко «Грюнвальдская битва», изображающий Витовта. 1878 год

с историческими сюжетами в современной Беларуси.

Очевидно, что для белорусской ментальности характерно исторически сложившееся убеждение: эффективное функционирование государства невозможно без института главы государства. В массовом сознании нашего народа глава государства – это верховный арбитр, стоящий над интересами и эгоистическими устремлениями отдельных групп общества. Его главная задача – справедливый закон для всех.

Эти обстоятельства, как и историческую традицию, которая является неотъемлемым элементом массового сознания белорусского общества, необходимо учитывать при ответе на вопрос, почему современная Беларусь стала президентской республикой. Для населения нашей страны характерен тип полити-

ческой культуры, ориентированный на сильную личность. Если раньше были князь, король, царь, первый секретарь ЦК КПБ, председатель Верховного Совета, то в новом государстве – Республике Беларусь – первым лицом должен был стать президент.

Будет уместно напомнить слова великого французского президента Шарля де Голля: «По моему мнению, необходимо, чтобы государство имело голову, т. е. руководителя, в котором нация может видеть стоящего над течениями человека, уполномоченного решать главное, и гаранта ее судеб» [18, с. 30].

Сам термин «президент» в переводе с латинского означает «сидящий впереди». В античные времена президентами называли председательствующих на различных собраниях (от этого первоначального значения впоследствии возникла такая должность, как президент сената). В нынешнем понимании слово президент начало употребляться только с конца XVIII века, когда в США был учрежден институт президентства [19, с. 94]. Современное представление о президенте основывается на отождествлении его с главой государства. Эффективность функционирования президентства в США, доказанная политической практикой, способствовала широкому распространению этого института в мире [20; 21].

Ровно 25 лет назад произошло важнейшее событие в политической истории нашей страны – первым Президентом Республики Беларусь был избран Александр Григорьевич Лукашенко. Конституция 1994 провозглашала Президента Беларуси и главой государства, и главой исполнительной власти, но деятельностью правительства руководил премьер-министр. Президент обладал существенными полномочиями, однако определяющее значение в политической жизни страны по-прежнему имел парламент [22, с. 3].

Данный конфликт был разрешен непосредственным волеизъявлением граждан в ходе всенародного голосования. Второй в истории Республики Бе-

ларусь референдум состоялся 24 ноября 1996 года. Из семи вопросов четыре были инициированы главой государства, три – белорусским парламентом. По официальным результатам, были поддержаны предложения Президента (о переносе Дня Независимости Республики Беларусь на 3 июля и о внесении изменений и дополнений в Конституцию) и отклонены все предложения парламента [22, с. 3–5; 23, с. 100–101].

Доктор юридических наук А.Г. Тиковенко отмечает: «Новая редакция Конституции существенно обогатила теорию и конституционную практику разделения властей, значительно укрепила их самостоятельность и авторитет, а также основы конституционного строя. В результате юридически оформилась еще одна ветвь власти – президентская, арбитражная по своей сути власть, охранительная, лидирующая по своей направленности» [24].

Президент Республики Беларусь занимает особое место в системе государственного управления. Согласно 79-й статье Основного Закона, он является главой государства, гарантом Конституции Республики Беларусь, прав и свобод человека и гражданина. Президент олицетворяет единство народа, гарантирует реализацию основных направлений внутренней и внешней политики, представляет страну в отношениях с другими государствами и международными организациями. Глава государства принимает меры по охране суверенитета Республики Беларусь, ее национальной безопасности и территориальной целостности, обеспечивает политическую и экономическую стабильность, преемственность и взаимодействие органов государственной власти, осуществляет посредничество между ними.

Президенту предоставлено право инициировать рассмотрение в парламенте Республики Беларусь вопроса об изменении и дополнении Конституции, а также выносить его на республиканский референдум.

Беларусь осознанно выбрала модель президентской власти. Институт прези-

дентства, по моему убеждению, более всего соответствует исторической и политической традиции нашего народа. Именно президентская власть позволила сделать реальным наш декларативный суверенитет. Благодаря этому у нас сегодня есть абсолютно суверенное государство. И вся внешняя и внутренняя политика страны определяется в Минске, а не где-нибудь еще, она определяется нашим Основным Законом, а не чужими директивами. Это самое главное. Мы впервые обрели в полном смысле национальную государственность, которую ни с кем не делим.

Сильная власть в форме президентства соответствует исторической традиции, ментальным установкам, мотивационному поведению белорусского народа. Для нас характерно такое понимание власти, что лидер берет на себя полноту

ответственности. Президентская форма правления в нашей стране – та модель власти, где есть персонифицированный государственный деятель, который является гарантом конституционных норм, воплощает белорусские архетипические идеалы о сильной и справедливой власти.

Беларусь определилась с системой государственного устройства, сделав выбор в пользу сильной президентской власти, и не ошиблась. Конституция стала важнейшим законодательным драйвером, который предопределил контуры сегодняшней белорусской социально-экономической и политической модели, а также сделал возможной реализацию жизненно важных для народа проектов. Это и масштабное строительство жилья, и возможность предоставления социальных льгот, создание социально ориентированной рыночной экономики. ▀

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Темушев, С.Н. Легенды о происхождении княжеской власти в западно- и восточнославянских источниках / С.Н. Темушев // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны. – Вып. 1 / адк. рэд. С.М. Ходзін. – Мінск: БДУ, 2002. – С. 160–171.
2. Темушев, С.Н. К вопросу об истоках политической самостоятельности Полоцкой земли в древнерусский период / С.Н. Темушев // Полацк у гісторыі і культуры Еўропы: матэрыялы міжнар. навук. канферэнцыі, 22–23 мая 2012 г. – Мінск: Беларуская навука, 2012. – С. 36–47.
3. Цемушаў, С. Веча ці князь: праблема арганізацыі кіравання ў Полацкай зямлі Х – пачатку XIII ст. у дарэвалюцыйнай і савецкай гістарыяграфіі / С. Цемушаў // Беларускі гістарычны часопіс. – 2012. – № 12. – С. 14–21.
4. Темушев, С.Н. Налоги и дань в Древней Руси / С.Н. Темушев. – Минск: БГУ, 2015. – 279 с.
5. Темушев, С.Н. Образование Древнерусского государства / С.Н. Темушев. – 3-е изд., перераб. – М.: Квадрига, 2017. – 352 с.
6. Темушев, С.Н. О причинах политической обособленности Полоцкой земли / С.Н. Темушев // Беларуская государственность: истоки, становление, развитие (IX–XXI вв.): материалы Респ. науч.-теорет. конф., Минск, 29 июня 2017 г. / редкол.: А. В. Касович (отв. ред.) и др.]. – Минск: РИВШ, 2017. – С. 5–8.
7. Марзалик, И.А. Образ Полоцкого центра / И. Марзалик // Родина. – 2012. – № 9. – С. 109–111.
8. Марзалик, И.А. Людзі даўняй Беларусі: этнаканфесійныя і сацыякультурныя стэрэатыпы (X–XVII стст.) / И.А. Марзалик. – Мінск: МДУ імя А.А. Куляшова, 2003. – 324 с.
9. Повесть временных лет: [в 2 ч.] / подготовка текста Д.С. Лихачева; пер. Д.С. Лихачева и Б.А. Романова; под ред. В.П. Андриановой-Перетц. – М.: Изд-во Акад. наук СССР; Л.: 1-я тип. Изд-ва Академии наук СССР, 1950. – Ч. 1: Текст и перевод. – 406 с.
10. Kosman, M. «Podniesienie» książąt litewskich / M. Kosman // Acta Baltico-Slavica. – Wrocław – Warszawa – Kraków – Gdańsk. – 1976. – Т. X. – С. 15–36.
11. Данилевич, В.Е. Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV столетия / В.Е. Данилевич. – Киев, 1896.
12. Шапов, Я.Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI–XIV вв. / Я.Н. Шапов. – М., 1972.
13. Шапов, Я.Н. Очерки русской истории, источниковедения, археологии / Я.Н. Шапов. – М., 2004.
14. Карскі, Я. Беларусы / Я. Карскі. – Мінск: Беларускі кнігазбор, 2001. – 640 с.
15. Легенды і паданні. – Мінск: Навука і тэхніка, 1984. – 544 с.
16. Коялович, М.О. Чтения по истории Западной России / М.О. Коялович. – СПб., 1884. – 352 с.
17. Ластойскі, В.Ю. Кароткая гісторыя Беларусі / В.Ю. Ластойскі. – Мінск: Універсітэцкае, 1992. – 124 с.
18. Хромова, Е.Б. Шарль де Голль в СССР: к юбилею визита 1966 года / Е.Б. Хромова // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура. История. Философия. Право. – 2016. – № 3. – С. 30–40.
19. Козак, М.А. Становление института президентства в Беларуси и за рубежом / М.А. Козак // Национальная государственность и европейские интеграционные процессы: сб. науч. трудов: в 2 т. / Бел. гос. ун-т, Юрид. ф-т. – Минск, 2008. – Т. 2: Проблемы унификации законодательства в Содружестве Независимых Государств и Европейском Союзе. – С. 94–99.
20. Кудряшов, К.В. Конституционно-правовой статус главы государства в классической президентской республике [Электронный ресурс] / К.В. Кудряшов, А.А. Санькова // Концепт. – 2018. – № 11. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionno-pravovoy-status-glavy-gosudarstva-v-klassicheskoy-prezidentskoy-respublike>. – Дата доступа: 15.05.2019.
21. Тхаркахо, М.М. Зарождение и развитие института президентской власти в зарубежных странах / М.М. Тхаркахо // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2007. – С. 302–308.
22. Паречина, С.Г. Институт президентства: история и современность / С.Г. Паречина. – Минск: ИСПИ, 2003. – 163 с.
23. Паречина, С.Г. Эволюция института президентства в Республике Беларусь / С.Г. Паречина // Право и демократия: сб. науч. тр. / Отв. ред. В.Н. Бибило. – Минск: БГУ, 2002. – Вып. 13. – С. 1–8.
24. Тиковенко, А.Г. Принцип разделения властей: теория и практика / А.Г. Тиковенко // Вестник Конституц. Суда Респ. Беларусь. – 1997. – № 1. – С. 33–34.

Статья поступила
в редакцию 08.07.2019 г.